

БОНХОЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

You had to stay

fall mud death/prose

БОНХОЛ

You had to stay

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42713018

SelfPub; 2019

Аннотация

Всё плохо, и дальше только смерть. В сторону от смерти – отсрочка, которой никто не пожелал бы. Содержит нецензурную брань.

You had to stay.

В чём тут можно быть уверенным?

Какие—то имена и псевдонимы изменены, какие—то нет.

Сходства с реальными персонажами при прочтении книг случаются часто (особенно в вашей голове) – и мало кто действительно знает, когда вы бываете правы.

Москва, скорее всего, единственный реальный город и реальное место, где происходили некоторые из описанных здесь событий.

Хотя в чём тут можно быть уверенным

Посвящается К.И.А. (d) и М.А. (l)

Когда—то я начал писать стишки, но, за исключением пары приятных моментов, лучше бы не начинал.

You had to stay. Вдох.

Я стою в углу съёмной комнаты недалеко от центра Саратова. Джинсы и трусы спущены на щиколотки, лежат на полу; зубами я держу низ своей майки, чтобы не мешала.

Передо мной, упираясь локтями в скрипучий стул с наваленной на него кучей непонятных вещей, стоит Асти – лифчик, зацепившись за поднятый выше груди свитер, болтается в воздухе, трусики и чёрные блестящие джинсы зафиксировались на уровне колен.

Держа её обеими руками за бёдра, или обеими руками

за грудь, или обеими руками за плечи, или одной рукой за грудь, а другой – за бедро, задницу, длинные волосы или плечо (всё это происходит попеременно), я готовлюсь кончить, потому что больше уже не могу – влагалищные спазмы (так у неё проявлялся оргазм) во всех смыслах сужают пространство, внутри и снаружи, в комнате и в черепной коробке.

Сделав ещё несколько быстрых и грубых движений, я кончаю Асти на спину, случайно попав и на волосы ("Теперь голову мыть, всё запутается! Ты не мог брызнуть в сторону что ли?"). Посмотрев на член, замечаю, что "ты хорошо кончила, у тебя обильные выделения". Приглядевшись, понимаю, что это не выделения от удовольствий – это банальная молочница. Кусочки творога равномерно распределились по всей длине члена, резонируя с большими хлопьями снега за вечерним окном.

– Молочница? Теперь ещё и к врачу идти.. Но мне не было больно или неприятно. – Но к врачу надо бы. – Схожу завтра. Здесь есть салфетки? – Эмм..не вижу ничего похожего. – Чёрт, сумочку я оставила в коридоре. – Сейчас что —нибудь придумаем.

Выйти в коридор и остаться незамеченным или неслышанным нельзя – дома хозяйка квартиры, Инна, и её маленький сын. Единственный плюс этой комнаты – дешёвая цена съёма; отсутствие салфеток в комнате и обилие грибка молочницы в помещении – серьёзный минус, один из десятка.

– Давай оденусь и схожу в туалет за бумагой, потом по-

стираю трусы. – Давай. Я слегка приведу себя в порядок и попробую проскользнуть в ванную. Отвлечёшь Инну? – Конечно.

Моё нахождение здесь и сейчас в этой комнате, в этом городе, в этих обстоятельствах и с этими людьми – осознанный выбор. Крупный снег, слегка запотевшее окно, мельтешение фигур, стремящихся в тепло и к теплу. Будто вместо снега падают камни и жить городу осталось считанные часы. Закончив в ванной, Асти пришла на кухню, где я вёл светскую беседу с Инной на тему невозможности трудоустройства на "нормальную" работу в Саратове.

– Проводишь меня? – Спрашиваешь ещё. Выпьём кофе? – Можно. Чёрный и без сахара. – Да, молока всё равно нет, – быстро отреагировала Инна. – Куплю на обратной дороге, – говорю. – Рэ, не надо, завтра пойдём в магазин и купим, – Инна. – Всё хорошо, мне не трудно.

Укутав себя в тяжёлые зимние вещи, Асти и я вышли в относительно тёплую зимнюю саратовскую ночь.

You had to stay. Первое дыхание.

Особенность почти любого комьюнити – возможность быстро и при относительно малых трудозатратах стать кем —то вроде местной звезды. Маленькой, тусклой, но уверенно тусклой и уверенной в себе звезды. Тематика комьюнити значения не имеет – девушки разной степени привлекатель-

ности присутствуют и участвуют во всех темах и обсуждениях, разве что уровень вовлечённости и знаний о предмете обсуждения неодинаков.

Так получилось, что в какой—то момент своей жизни я начал писать стишки. Обычные стишки, со множеством восклицательных знаков, многоточий и прочей ерунды, никак не влияющей на качество текста. Тексты тоже были на уровне. На уровне между "стыд" и "позор" в той точке, где эти определения пересекались. Редко, но мне всё же удавались достаточно складные тексты – постоянная практика и неубиваемый поток мыслей делали своё дело. Написав несколько десятков стишков, я подумал – ну и что дальше? Какой смысл в этом, если кроме меня никто это не видит, не читает и не высказывает своё "очень экспертное мнение"? Недолго погуглив, я нашёл несколько сайтов, которые призывали (заставляли, практически принуждали, угрожая забвением) опубликовать стишки у них. Мусор, мусор, а, вот – stih.ru. С общением там было никак, поэтому я продолжил поиски.

Из пары десятков (от силы) кандидатов, я выбрал одного. Ничем не лучше других, но выбор сделан. (этот "портал" существует до сих пор, у меня там бессрочный бан за позицию по политическим вопросам – в частности, про Украину; в 2015 году владелец "портала" предлагает связаться с ним по icq – о да, детка!). И люди есть, и тексты, и даже подобие блогов. Комментарии, комментарии, восхищения, восхваления и почти ни одного плохого отзыва. Мысль о том, что свои

хвалят своих, мне тогда в голову не пришла.

Почувствовав, что здесь можно развернуться, я начал публиковать свои тексты – не делая перерывов, не получая обратной связи вывалил сразу штук 30 или 40; будто шанса, подобного этому, у меня больше не будет. На двадцать девятом или тридцать девятом (не помню) стихке я всё же получил два комментария от обычных пользователей и один комментарий от модератора – типа нужно остыть, "портал" не закрывается, люди не успевают читать и т.д. Остыл на несколько дней, наблюдая за реакцией читателей.

Пошла обратная связь – положительная; оформился маленький сперматозоид моего небольшого фан—клуба, который скоро разовьётся в большой сперматозоид; началось общение вне "портала" – по скайпу, icq или электронной почте, так как далеко не все находились в Москве или окрестностях. Среди этих людей оказалась и Асти – случайное знакомство, начавшееся с общих фраз, примерно таких:

– Прикольное стихо! (!!!!блядь, как я ненавижу это слово)
– Спасибо за комментарий, очень приятно! (потом ты должен был почитать хоть один стишок пользователя, который уделил тебе своё время и отметил, и сделать вид, что тебе тоже понравилось – качество текста при этом роли не играло; обычной способ расширения облака почитателей и фанатов).

И дальше – при взаимном желании – шёл обмен контактами и дальнейшее общение в более приватной обстановке

различных мессенджеров.

С Асти мы быстро перешли в стадию сетевого романа – ночные посиделки в icq, почти что признания в вечной любви, сплетни о других посетителях "портала" и тому подобная хрень, перемежавшаяся моими просьбами следующего характера:

– пришли своё фото (размер фото на сайте, даже при увеличении, – 2*2 сантиметра) – а фото без одежды? – а в нижнем белье? – а может, без одежды?

Или я был очень убедителен, или я был очень красив, или Асти было, что показать (было) – своего я добивался. Это логичное продолжение сетевого романа – при невозможности (до какого—то момента – вопрос времени, денег, желания, etc) заняться сексом в реальности, "влюблённые" шлют друг другу сиськи и члены, иногда вперемежку с текстами о том, как кто—то кому—то "заправляет в лоно любви свой прибор, стоящий уже под углом 95 градусов", как бы заменяя этим фазу первого секса, второго..увлекаться не стоит, иначе виртуальное так и останется заменой реальному. И никакой скайп с одновременным мастурбированием и одновременными оргазмами не поможет.

Блондинка, рост примерно метр шестьдесят, очень стройное телосложение; маленькая задница и грудь чуть большего размера, чем третий. Между двумя верхними передними зубами – сексуальная и возбуждающая щербинка, которая Асти не нравилась, а меня приводила в восторг.

Прикинув, сколько у меня есть свободных денег и надолго ли их хватит в Саратове, я написал Асти, что могу приехать. – Выбирай даты. – Давай через пару недель – я успею хоть немного подготовиться.

Меня это устроило. Я купил билеты и моментально попал в период "томительное ожидание".

You had to stay. Второе дыхание.

Моя работа на тот момент представляла собой незамысловатые действия, которые было необходимо выполнять три неполные ночи в неделю – с пятницы на субботу, с субботы на воскресенье и с воскресенья на понедельник, а в понедельник после обеда в "офисе" (именно в кавычках – сначала это был ангар размером с разжиревший гараж на территории Курчатовского института на Октябрьском поле, а после – две среднего размера комнаты в Гольяново, в промзоне, в окружении бывших складов несуществующего уже Черкизовского рынка) проводилось собрание со сдачей отчётности за выходные и получением плевков в лицо от "начальника".

Я менял флэшки. В автобусах и троллейбусах в Москве за спиной водителя висели мониторы, по которым транслировалась реклама вперемежку со "смешными" роликами – маленькие котята, взрослые кошки, заснувший на ходу слоник и тому подобные сценки из дикой природы и прирученных диванов и мисок с едой. Менял флэшки – старые, с ненуж-

ными роликами, забирал и вставлял на их место новые – и проводил диагностику мониторов; если что—то не работало – исправлял на месте ("Ты спиздил флэшку! ТЫ! СПИЗДИЛ! ХРЕНОВУ! ФЛЭШКУ! Флэшку за 100 рублей!"; "А, прости, посчитал, неправильно"; привет, Дэни).

Новая рабочая ночь – новый автобусный или троллейбусный парк. Прихожу на работу к 10—11 вечера, заканчиваю в 2—3 ночи. На ночных маршрутах, которые развозят работников парка по домам, добираюсь до какого—нибудь места, от которого могу дойти пешком или поймать такси до станции электричек. Жду первую и еду домой.

Много свободного времени, денег не очень много – но для одного хватает. Выкроив из своей зарплаты примерно половину, я поехал в Саратов – на поезде, конечно же.

Вахтовые рабочие, воспринимающие каждую плацкартную полку и каждый тамбур как свой хрен знает какой по счёту дом, меня не напрягали. Я люблю верхние полки – открыл бутылочку пива, почитал книжку, послушал музыку; недостаток – сползать вниз, чтобы выйти покурить. И недостаток не в самом факте разлуки с нагретым вонючим матрасом, а в том, что пути приходится уворачиваться от разной степени дырявости носков, натянутых на свисающие с таких же верхних полок, как и моя, пятки.

Смешной толстый парень, едет домой после вахты в охране в Мичуринск—Уральский:

– Я смеюсь? Бывает (закуривая вторую, не потушив

первую). А ты москвич? Куда едешь? К девушке в Саратов? Ммм, там хорошие девушки! Одна из них – теперь моя жена. Ждёт меня сейчас дома, в Мичуринске, пока я в Москве с блядьми развлекаюсь. Гондоны всегда с собой. Мне изменяет? Да брось, она из дома шагу боится ступить. Тем более у нас дочка (почёсывая густо волосатый пивной живот). Почему на меня не похожа? Говорю же тебе – жена у меня паинька. Тест? ДНК..чего? Как не я отец? Это у вас в Москве так делают? Вот вы там.. А слушай, что у тебя на майке написано?

И тому подобное.

Но всё же веселее, чем в поезде, следующем в Узбекистан – узбечки, переодевающиеся в железном ящике под нижней полкой, – то ещё зрелище.

Подъезжая к Саратову, я осознал, что не помню, как выглядит Асти. В голове всплывали образы кого угодно, но только не её. Закинув в сумку книгу и плеер, я дождался, пока те, кому не терпится потолкаться жопами в узком тамбуре, выйдут, и тоже пошёл к выходу. Конечно же, я заранее написал номер вагона, да и телефонные номера друг друга мы знали. Ветер скользнул по моему распаренному лицу – так же, как скользил уже не раз, судя по всему, по её обветренным губам. Капюшон, улыбка, радость.

Благополучно встретившись, мы сели на троллейбус и поехали к дому, в котором по предварительной договорённости я снял комнату. Эта квартира принадлежала знакомой

Асти или её мамы – матери—полуодиночке (какой—то мужик там всё—таки бывал время от времени; "там" – в квартире) с ребёнком—дошкольником. Им необходимы деньги, мне – угол, чтобы поспать, так как я надеялся, что большую часть времени буду проводить вне этой гостеприимной квартиры.

Как бы я изначально ни горел от идеи встретиться с Асти, каких бы планов ни строил, в первый мой приезд не случилось ничего. Если не считать несколько странных фактов, о которых я узнал:

– "улицу Рахова" мы называем "улица Трахова" – улицу Большая Казачья, на которой я живу, мы называем "Большая Сосачья" ("смелое заявление для первого свидания" – комментировал я про себя) – комната, в которой ты остановился, находится в плохом районе, в плохом дворе и в плохом доме – там постоянно бухают, дерутся и много наркоманов (спасибо за выгодную сделку, Асти!) – главную улицу в городе мы называем Арбат (какие вы по счёту с этой оригинальной идеей?)

Прогулки по городу, посиделки в "любимом кафе", объятия, поцелуи – всё на поверхности, вглубь не копаем ни я, ни она. Пять дней, на которые я смог приехать, чтобы не пропустить свои рабочие выходные, быстро закончились. Платоническое чувство уже вполне окрепло – там, на вокзале. На физическом продолжении я не настаивал. Больше, чем эти пять дней, мы всё равно не смогли бы провести вместе –

то ли у Асти были проблемы с мамой, то ли наоборот, то ли были дела, которые не могли подождать ещё какое—то время. Попрощались; я сказал, что приеду, как только она закончит свои неотложные дела. Её это успокоило и с ощущением лёгкой грусти я взобрался на любимую верхнюю полку, чтобы спустя 17 часов или около того раствориться в толпе приезжих, бомжей и туристов на Павелецком вокзале.

Память не сохранила данные о том, через какое время я приехал снова. Она сохранила только ощущение намного большей радости от повторной встречи – будто вот теперь точно стало известно, что я и она – хорошие люди, честные, готовые на всё ради любви. Готовые на всё ради счастья. Готовые к поискам каких—то новых удовольствий и приключений в "плохих дворах". Встретившись на вокзале второй раз, сев в троллейбус под тем же номером и поехав по тем же улицам, что и в мой первый приезд, мы вышли на несколько остановок раньше – Асти потянула меня за рукав куртки и одновременно сказала, нет, почти пропела:

– Мама и бабушка ждут нас на ужин. Инну я предупредила, что мы зайдём позже.

Позже так позже. "Плохой двор" и одна женщина подождут, а "хороший двор", где расположен трёхэтажный дом, построенный пленными немцами и где живёт Асти с мамой и бабушкой, – нет. Три против одного, убедительная победа.

Мы ужинали, я отвечал на дежурные вопросы родственников Асти как можно более недежурно, чтобы разбавить

несколько тяжёлую атмосферу – атмосферу ожидания двух женщин относительно того, что за человек пытается соблазнить их дочь и внучку. И что он с ней хочет сделать после этого.

Кофе был некрепок – как я и люблю – поэтому быстро кончился, что означало – мы идём к Инне, моя комната ждёт меня (интересно, тяжёлое "бархатное" покрывало постирали хотя бы раз со времени моего прошлого приезда?). По пути мы зашли в магазин, я купил кое—каких продуктов – кофе, молоко, сахар, чай, печенье – если ночью нестерпимо захочется пить и есть, и торт для Инны и её сына.

Мы зашли, полчаса посидели с Инной, я сразу отдал ей деньги за моё недельное пребывание здесь и копию паспорта – вдруг я украду простыню, тогда они будут знать, где меня найти. Мы с Асти зашли в "мою" комнату и сели на кровать. Асти взяла мою голову двумя руками, повернула к себе и поцеловала в губы. Пока длился этот поцелуй, я не придумал ничего лучше, чем одной рукой гладить её волосы, а другой – наглаживать грудь. Никакого сопротивления – значит, наши ожидания сходятся.

Наконец поцелуй прекратился, мы отдышались, Асти встала и пошла проверить, плотно ли закрыта дверь в комнату – плотно. Она выключила свет и сказала мне, чтобы я раздевался и ложился под одеяло (смущение первого раза с новым мужчиной? игра? детство? всё вместе плюс неуверенность в себе?). Она проделала то же самое, оставшись в тру-

сиках и лифчике. Я же тёр липким от смазки членом одеяло.

В темноте в квадрате – в комнате и под одеялом – поцелуи продолжились. Только теперь моя рука была у неё в трусиках, а её – подёргивала мой член. И хотя она потекла ещё до того, как мои пальцы коснулись клитора, предварительные ласки заняли ещё минут 10. В свете уличного фонаря – как хорошо, что хотя бы этот одинокий фонарь горит! – она выглядела великолепно, по крайней мере с того ракурса, который был доступен мне. Повернувшись ко мне своей маленькой, но привлекательной задницей, при этом не давая одеялу сползти с нас обоих совсем, она взяла меня за член и притянула к себе. Шутки про "не ту дырку" стары, как ископаемое говно невинного мамонта, но такой эпизод также имел место в тот вечер.

Я перевозбудился и кончил спустя (а как можно кончить, не спустя, если ты мужчина?) пару минут. Кончил на покрывшуюся мурашками от нескольких оргазмов задницу; немного досталось и спине. Про презервативы Асти не спрашивала, а я ими не пользовался – стойкость члена сильно падала. Единственное, о чём я успел спросить перед тем, как войти, принимает ли Асти противозачаточные. Ответ отрицательный.

Немного полежав в абсолютной тишине, мы рассказали друг другу, какой это был хороший секс и "давно у меня такого не было" (исполняется синхронно с выражением максимальной достоверности на лице). Оставалось "всего лишь"

смыть с себя подтёки удовольствий. Испытав с этим незначительные сложности ввиду присутствия в квартире Инны, мы всё же привели отдельные части себя в порядок и оделись, чтобы выйти сначала из комнаты, а потом и из квартиры – я провожу Асти домой и у нас будет время, чтобы обсудить случившееся.

Последующие дни проходили по одному и тому же сценарию, без изменений:

– время до вечера мы проводим или на улице, или дома у Асти, или в кафе, или попеременно во всех этих местах – вечером мы, пытаясь не привлекать внимания, трахаемся в арендованной комнате.

Так как дверь в комнату не запиралась изнутри, то какая—то доза адреналина постоянно присутствовала в нашем сексе. И глядя в глаза квартирной хозяйки Инны по утрам или вечером, после сеансов любви, я не видел в них ничего, кроме усталости от бега на месте в колесе саратовской жизни – никакого любопытства или даже слабого намёка на это. Хотя – кто знает? – этот взгляд выражал "у меня всё уже было – и это тоже, и примерно так же".

После секса случаются разговоры – эндорфины одновременно расслабляют и будто бы придают некую дополнительную долю правдивости словам рассказчика. Вот краткая история Асти:

Сколько себя помню – столько же не помню своего отца. Всегда рядом только мама и бабушка, бабушка и мама. Кот.

Или кошка? Не имеет значения. Наверное, кот с нами не ужился бы. Бабушка добрая, а мама заставляет делать разные дела, которые мне делать не хочется. Этот дом, в котором мы живём сейчас, строили немцы пленные – добротный старый дом, три этажа детских воспоминаний и юношеских обид и надежд, а чердак – это кладовка для взрослой жизни, постепенно тоже заполняется. Комнаты у нас проходные и моя находится в самом конце – когда я курила тайком, или выпивала, или просто была в странном настроении, то пройти незамеченной было очень трудно. И я сидела в подъезде, на широком подоконнике, и строила рожи в объектив чьего—то – не помню, чей это был – фотоаппарата. Размытые лица по обе стороны камеры, смазанные силуэты, плывущие в разные стороны – смерч прошёл стороной, но наполнил мою жизнь ошмётками говна, прилетевшего, наверное, с кладбищ для неостребованных жизней и сданных по причине полнейшей ущербности судеб. Теперь этим пользуюсь я.

Я любила. Сильно. И меня любили. Как выяснилось, не так сильно, как на словах. Конечно, ты же видел эти шрамы – всё это было. Но могло ли быть иначе?

И стихи оттуда же, из того любимого—нелюбимого периода. Сначала одно, потом другое – мыслей много; дневник, стихи, мечты..кому это нужно теперь, кроме меня?

Беременность. Аборт. "Есть такая вероятность, что вы больше никогда не сможете иметь детей". Не могла я рожать

в то время и в тех обстоятельствах. И не хотела.

Волосы отрастила. Женственность у меня даже на кончиках пальцев – плавно перетекает в аккуратный французский маникюр. Интернет у нас быстрый и твои сообщения в скайпе я получаю быстрее, чем ты их отправляешь. Сейчас я даже могу сказать, что люблю тебя. Люблю.

Я чувствовал это. И отвечал взаимностью настолько сильно, насколько мог ответить в силу своего характера – мало комплиментов, мало тёплых слов и слов поддержки, вялотекущие ухаживания. Изначально Асти видела мой образ – стишки и методы составления слов в легко читающиеся строчки; всё, что было за пределами этого микро—микромира, ей оставалось недоступно.

В предпоследний день моего второго приезда в Саратов мы сидели у Асти в комнате – я просматривал соцсети на её компьютере, а она сидела рядом и расспрашивала меня о чём—то несущественном. Мои односложные ответы её не устраивали, она начала злиться и спустя пару десятков секунд я наблюдай перед собой потухший экран монитора. Повернувшись влево и мысленно подготовив обвинительную речь, открыв рот и произнеся первые три буквы её имени, я осёкся.

– Давай, фотографируй меня. Может, хотя бы этим я тебя смогу отвлечь.

Топлес, в маленьких чёрных трусиках—танга; стоит на коленях на диване, положив руки на бёдра. Набухшие соски. Злой взгляд.

– Ну! Чего застыл? – Ничего, что за стенкой твоя мама, твоя бабушка и дверь к тебе в комнату не закрывается? – Ничего! Они впялились в свой сраный телевизор и им всё равно, чем мы тут занимаемся. Ты фотографируешь или как? – Уже..

Несколько фотографий в разных позах – ничего необычного, каждая первая пара занимается чем—то похожим, не думая поначалу о возможной утечке отснятого материала в сеть. Закончив с фотосессией, я вынул флэшку из цифровика и после придирчивого отбора, который производила Асти, несколько фотографий отправились на адрес моей электронной почты вместе с обещанием нигде их не публиковать. И я это обещание сдержал.

Пора уезжать в очередной раз. Очередной поезд, очередная верхняя полка, очередная очередь на выход из вагона в Москве. Теперь очередь Асти нанести ответный визит.

Потратив некоторое время на согласование дат, мы пришли к единому мнению о времени её приезда. То, что я жил с сестрой, Асти поначалу смущало, но мои убедительные слова о том что сестра, в отличие от меня, почти весь день проводит на работе, имели прекрасный седативный (но без использования препаратов) эффект.

Я встретил её на вокзале. Чтобы доехать до моей квартиры, нам пришлось преодолеть (в порядке очерёдности):

– вокзальную суету – вход в метро с большими сумками – ЭСКАЛАТОР (страшная многоножка из кошмаров некото-

рых людей) – получасовую поездку в душном метро – получасовую поездку в электричке – получасовую поездку в автобусе – две минуты пешком от остановки автобуса до квартиры

Как только мы зашли и поставили сумки, не раздеваясь, я повалил Асти на диван и начал целовать.

– Соскучился? – Ещё бы! – Тогда я сначала схожу в душ, а потом ты дашь мне почувствовать, насколько сильно.

Если бы не усталая улыбка, сопровождавшая эти слова, я был бы счастлив. Она устала. Я это вижу и предлагаю сначала отдохнуть, может быть, даже поспать.

– Я не устала. Просто в поезде была ужасная духота, теперь в сон клонит. Всё в порядке, я сейчас.

И она закрыла за собой дверь ванной комнаты.

К чему эти ненужные жертвы? Впереди неделя, или больше – время, которое мы проведём друг с другом. Успеем насладиться сексом – в любое время суток. Пока я думал об этом, она вернулась. Сняла с себя полотенце и просто легла на кровать.

После нескольких минут (точно больше семи) взаимной прелюдии Асти по—прежнему была сухая, если не считать за смазку то небольшое количество жидкости, которое оставил мой язык, пока мы бодрили друг друга в 69.

– Давай так. Я что—то не могу как следует возбудиться, но очень тебя хочу.

Размазав членом смазку по её вагине, я начал осторожно,

чтобы не порвать уздечку, входить. Это было долго. Иногда болезненно для Асти, но она настаивала, чтобы я не прекращал.

Нам удалось заняться сексом, я даже почувствовал один её оргазм прежде, чем кончил сам. Но это был один из самых худших актов, которые происходят после долгой разлуки — ни страсти, ни радости. Механическая обработка, не более. В последующие дни мы оба исправились, предпочитая сексу в кровати или на диване секс в ванной: Асти стоит, повернувшись ко мне задом и держась обеими руками за железную ручку, предназначенную для того, чтобы было легче вставать из лежачего положения. Асти держится за эту ручку, перегибаясь через ванну, осторожно, что во время особо резких движений не удариться головой о выложенную плиткой стену.

Она стонет, она извивается, я хватаюсь за бёдра, за волосы и за грудь; время от времени бью ладонью по заднице. Кончаю ей на спину и на волосы, если она не успевает их убрать. Потом мы вместе принимаем душ и занимаемся какими—нибудь отвлечёнными от секса делами. Дни проходят практически незаметно, Асти пора уезжать.

Инна:

Ну а что здесь такого, что я одна с ребёнком? Был один козёл, вовремя не вынул, зато я через 9 месяцев вот этого вот вынула. Я люблю удовольствия, сексуальные — в том числе. Приходит ко мне один мужчина, помогает нам. А я пицц-

цу домашнюю приготовлю – с помидорами, луком, майонеза побольше – и мы не спеша пробуем, поговорим, кино посмотрим. Хоть какое—то общество, хоть какое—то общение.

Да, я безработная. Пособий детских ни на что не хватает, вот и приходится иногда комнату сдавать. Мамка отдельно живёт, мы – отдельно. Видимся иногда – деваться некуда, родная кровь.

Я люблю Саратов, но по—своему. Слишком многое здесь для меня связано с отсутствием денег и стремлением к другой жизни. По этой улице я девочкой ходила в школу, по той – с будущим отцом моего ребёнка прогуливалась, по той – беременная в гололёд сумки с едой тащила, по той боковой – с коляской по ямам скакала. Ямы уже заделали, а сквозняк в моём сердце никто приручить не сможет. Поэтому я осторожно так живу, чувствам не доверяю, да и делам особо тоже.

Ты вот уедешь завтра – и когда ещё я эту комнату сдать смогу.. И кому? Ребёнка матери не хочу оставлять – плохому научит, поэтому и работать не могу пойти. Тебе хоть понравилось у нас? У нас в городе, у меня в квартире? Независима. И приобретать зависимость не хочу. *Ad astra per aspera.*

Нервные сборы, бесконечные проверки "всё ли мы собрали", десять видов транспорта – и вот мы на вокзале.

Не люблю приезжать сильно заранее, поэтому рассчитал

всё так, чтобы до отправления поезда у нас оставалось не более сорока минут. Отыскали нужный перрон, нужный вагон и нужное место; положили основную часть вещей и вышли на улицу покурить и попрощаться.

Асти начинает плакать. Я прижимаю её к себе и ничего не говорю – не понимаю причин такого поведения, наверное, ей просто не хочется уезжать.

– У меня такие ощущения, Рэ, будто я вижу тебя в последний раз. – Сегодня? – пытаюсь шутить. – Вообще. Этот вокзал, эти люди, поезда, погода, ветер и твои глаза убеждают меня в этом против моей же воли. – Ну брось ты, зачем зря расстраиваться? – Пусть. Пусть даже это последний раз, но я ни о чём не жалею. Мне было хорошо, мне хорошо сейчас и обязательно будет хорошо. Я счастливой буду. С тобой или без тебя. – Спасибо. Я вот не собираюсь так просто от всего отказываться. – А я тебя об этом и не прошу. Смотрю на тебя, хочу насмотреться. – Ещё насмотришься – не рада будешь. – Буду рада хоть раз ещё вживую посмотреть. И прикоснуться. И поцеловать – как сейчас.

Поцелуй.

– Ну всё, Рэ, пять минут осталось, мне пора. – Давай не грусти зря! Я чуть позже тебе позвоню – в электричку только сяду. – Хорошо, буду ждать.

Слёзы. Плач. Сильный ветер и песок в волосах.

– Я тебя люблю. – И я тебя, Рэ. Всё равно.

"Всё равно". Что она могла? И что она могла предвидеть?

Фантазировать? Уверять себя, что минус – это плюс? Что будет лучше и безболезннее, если взяться за обе клеммы сразу..

Проводница захлопнула дверь, но поезд ещё какое—то время не двигался. Я достал сигарету и медленно пошёл в сторону входа в вокзал. На сегодня предупредительных слёз хватит.

You had to stay. Третье дыхание.

Стишки продолжали появляться – сначала в моей голове, потом в виде черновиков сообщений в телефоне, затем на бумаге и – финально – на "портале". Интерес аудитории подстёгивал моё сонное тщеславие, количество в какой—то момент почти перебороло качество, но общение с живыми людьми по разным веткам связи отвлекало от мыслей в духе "один день – одно стихотворение".

Наши отношения с Асти – после тех встреч – не вышли на какие—то новые горизонты; расстояние хлестало по щекам хуже и больнее, чем кожаный хлыст по мокрой жопе, но жжение и яркий румянец, овальные следы после ударов – именно это поддерживало наши чувства, именно это подогревало нас, но не доводило до кипения. Раскалялись наушники и замёрзшие после прогулки на морозном воздухе губы, выдыхающие разной степени нежности и пошлости слова в окошко скайпа. В лицо, которое видел каждый из нас, и

которое считал самым близким лицом; близким настолько, что вы решаете, кто выдавит новый прыщ на этой частично волосатой и сутулой спине. При такой близости уже невозможно разглядеть ничего, кроме самых мелких прыщей, а события, которым вы не придаёте никакого значения, проходят взрывной волной между вашими телами, разбрасывая слова и поступки на разные континенты восприятия, за все полюса и экваторы понимания и осознания.

Не вспомню точно, кто появился на "портале" раньше – я или Рыж. Наверное, Рыж. Сейчас это не имеет значения. Её комментарии в какой—то момент стали появляться под моими стихами – приятные, иногда очень едкие, иногда не в тему; я заметил, что рад этим комментариям – они были искренними, в отличие от большинства других.

По "правилам хорошего тона" я почитал её произведения. Какие—то откомментил, что и дало повод для дальнейшего ни к чему не обязывающего общения по формуле "хороший стишок – спасибо! – правда хороший – спасибо! – давай конкурс придумай – сам придумай – о, у тебя новая запись в "блоге" – типа того" и так далее. Универсальная формула для публичного общения – затем, чтобы возделывать поле за пределами микромира "портала", как говорится, скрытое мщение за открытое общение.

Идеальное наслаждение вне публичного осуждения. Вне публичного обсуждения. Да.

Асти опубликовала чувственные "девчачьи" стихотворе-

ния, я отвечал на них в той же форме – не девчачьего, но одобренного нежностью – стихотворения, со всей любовью и радостью от посвящённых мне букв. Через некоторое время Асти начала напрягаться из—за моего публичного общения с Рыжем. Из icq и скайпа выяснение отношений переместилось на "портал". Предваряя:

– Асти, в чём проблема? Тебя нервирует сам факт моего общения с другой девушкой? Или конкретные слова, фразы, предложения? – Не знаю. Мне просто это не нравится. Она к тебе клеится, думаешь, я не замечаю? – ? – Все эти комментарии, "прикольное стихо", "интересно ты чувствуешь" и всё в таком духе. А сама—то хуйню пишет – в виде стихотворений – и хуйню говорит. – У тебя предвзятое отношение.. – ..предвзятое к кому – к тебе или к ней? К "порталу" или к моим родителям, которые родили меня такой?

Безосновательная ревность.

Публичное пространство "портала", Асти пишет Рыжу:

– Слушай, девочка, отстань от него. Зачем ты так откровенно клеишься к Рэ?

Рыж отвечает:

– Асти, на "ты" мы ещё не перешли, так что будем соблюдать хотя бы видимость рамок приличия. Что ты хочешь от меня?

Асти:

– Чтобы ты отстала от Рэ и нашла себе другой объект для своих сексуальных перверсий.

Сплошной диалог:

– Асти, не знаю, откуда всё это появилось в твоей милой головке, но ничего из этого в реальности не существует. И если у тебя проблемы с сексуальной жизнью, то не стоит проецировать их на других людей. К тому же Рэ уже взрослый, сам может решить, что ему нужно, а что – нет. Давай не будем решать за него? – А ты не решай за меня! Побереги волосы и глаза – надеюсь, они тебе ещё пригодятся. – Первобытная агрессия в наше время не имеет смысла, если только ты забыла или не смогла осилить все ступени эволюции. Внизу идёт драка за еду – я понимаю, что это тяжело, но нужно хотя бы попытаться быть человеком. – ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.